

В давние времена жила бедная женщина; у нее было два сына — Жан и Пьер. Видя нужду матери, Пьер пошел наниматься в работники к одному крестьянину.

— Сколько ты просишь жалованья? — спросил крестьянин.

— Сто экю, — ответил Пьер.

— Будь по-твоему. Но вот какой у нас будет уговор: при первой же ссоре тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Я никогда не сержусь, хозяин.

Не прошло и недели, как Пьер поспорил с хозяином, рассердился, и крестьянин намнул ему бока. Пьер вернулся к матери и рассказал своему брату Жану о том, что с ним случилось. Жан попросил брата показать, где живет хозяин, и пошел наниматься на работу. Однако Жан не говорил, что он родной брат Пьера.

— Сколько ты хочешь?

— Положите мне сто экю, хозяин.

— Будь по-твоему. Но вот какой у нас будет уговор: при первой же ссоре тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Я никогда не сержусь, хозяин.

На другой день хозяин велел Жану везти зерно на рынок. Жан повозку и четверку лошадей продал, а деньги отнес брату. Когда он вернулся к хозяину, тот его и спрашивает:

- А где повозка с лошадьми?
- Хозяин, — ответил Жан, — я их продал человеку, которого встретил на дороге.
- А что ты сделал с деньгами?
- Деньги я отдал брату, которому вы намяли бока.
- Так ты разорить меня хочешь?
- Хозяин, уж не сердитесь ли вы?
- Вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!
- Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.
- Да я и не думаю сердиться.

На следующий день хозяин сказал хозяйке:

- Я пошлю Жана срубить самый большой дуб, какой только есть в лесу, он не сможет его приволочь, а когда я начну его бранить, он рассердится.

Жан отправился в лес с повозкой, запряженной четырьмя лошадьми, продал, как и в тот раз, повозку и лошадей, а затем вернулся домой.

- Что ж это, — спросил его хозяин, — где повозка?
- Повозка? Я ее оставил в лесу, она там застряла.
- Ай! Ты вконец разорить нас хочешь! А хозяйка кричала и того громче:
- Ты нас вконец разоришь!
- Хозяин, — молвил Жан, — уж не сердитесь ли вы?
- Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!
- Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.
- Да я и не думаю сердиться!

Как-то раз, когда Жан на гумне молотил хлеб, хозяин со своей женой пошли завтракать, а его не позвали. Жан и виду не подал, что заметил это; он отправился на рынок, продал обмолоченный хлеб, сытно позавтракал на постоялом дворе и пошел домой.

- Жан, — сказал хозяин, — что ты сделал с зерном?
- Вы меня не позвали завтракать. Я продал зерно и на эти деньги позавтракал.
- Ты нас разоришь, Жан, вконец разоришь!
- Хозяин, уж не сердитесь ли вы?
- Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!
- Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.
- Да я и не думаю сердиться! Хозяйка сказала мужу:
- Давай-ка пошлем его стеречь поросят на дальнем выгоне; людоед его сожрет, и мы избавимся от него.

И вот Жан отправился со стадом на выгон. Оказавшись возле жилья людоеда, он вошел туда. В

руке он держал воробья.

— А что, — спросил он людоеда и показал ему воробья, — наверно, тебе никак не взлететь так высоко, как летает эта птичка?

— Нет, не взлететь, — ответил людоед.

— Я голоден, — сказал Жан.

— И я тоже. Что мы сготовим на завтрак?

— Давай, — сказал Жан, — сварим кашу.

Когда каша сварилась, они сели за стол. Жан заранее приладил к животу объемистый карман и потихоньку откладывал туда добрую долю, пока людоед уплетал кашу за обе щеки. Когда карман наполнился, Жан вспорол его ножом, и каша вывалилась на пол; потом он опять принялся за еду.

— Смотри-ка, — сказал людоед. — Я тоже хотел бы так облегчиться! Вспори и мне живот!

Жан не заставил дважды себя просить: он так ловко вспорол людоеду брюхо, что тот сразу испустил дух.

После этого Жан вернулся к своим пороссятам и, обрезав им всем хвостики, продал поросят, а затем воткнул хвостики в тину, сплошь покрывавшую ближнее болото, и вернулся к хозяину.

— А где же пороссята? — спросил тот.

— Они попали в болото.

— Как же так? Нужно их оттуда вытащить!

— Хозяин, туда никак не пройти.

Хозяин все-таки отправился посмотреть, как обстоит дело; но когда он ухватился за один хвостик, думая вытащить поросенка, хвостик остался у него в руке, сам он с размаху упал в грязь.

— Ты нас разоришь, Жан, вконец разоришь!

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Ну вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться! Хозяйка сказала хозяину:

— Надо послать его стеречь гусей на выгоне.

Жан погнал гусей на выгон. Вечером обнаружилась недостача — двух или трех гусей он продал.

— Жан, — сказал хозяин, — я недосчитался нескольких гусей.

— Хозяин, не я тому виной, их утащил какой-то зверь.

— Ты нас разоришь, Жан, вконец разоришь!

— Хозяин, уж не сердитесь ли вы?

— Вот еще, стану я сердиться из-за таких пустяков!

— Вы ведь знаете, тому из нас, кто рассердится, другой намнет бока.

— Да я и не думаю сердиться!

— Диковинный у нас слуга, — сказала на другой день хозяйка, — он нас разорит. Пойду спрячусь в кустах и посмотрю, куда он деваает гусей.

Жан слышал эти слова; прежде чем пойти на выгон, он сказал хозяину.

— Я возьму с собой ваше ружье; если тот зверь опять придет, я его убью.

Завидя в кустах женщину, он выстрелил и убил ее наповал.

— Хозяин, — сказал он, — пересчитайте гусей, все целы; я убил того зверя, который их таскал.

— Ай! Что ты, негодник, сделал! Ты убил мою жену!

— Вот ух не знаю. Как бы то ни было, я убил крупного зверя. А вы, сдастся мне, в самом деле сердитесь?

— Еще бы, как же мне не сердиться!

Тут Жан намял ему бока, а затем пошел к себе домой, и я тоже.